

А. Е.
ЗАРИН

Сочинения

Андрей Ефимович Зарин

Потеря чести. Трагическая история

Действие рассказа происходит в начале века. Перед читателем проходит череда подозреваемых, многие из которых были врагами убитого. События в рассказе развиваются так, что одно преступление, как по цепочке, тянет за собой другое. Но нетерпеливого читателя в конце рассказа ждет необычная развязка. Главное действующее лицо рассказа — это талантливый и бесхитростный сыщик Патмосов Алексей Романович, который мастерски расследует невероятно запутанные дела. Прототипом этому персонажу, видимо, послужил светило петербургского сыска — знаменитый Путилин.

Содержание

I	.0005
II	.0010
III	.0015
IV	.0018
V	.0028
VI	.0032
VII	.0037
VIII	.0040
IX	.0046
X	.0054
XI	.0058
XII	.0064
XIII	.0069
XIV	.0073
XV	.0076
XVI	.0090
XVII	.0097
XVIII	.0099

Андрей Ефимович Зарин
Потеря чести. Трагическая
история

Алексей Романович Патмосов благодуше-
ственно. Семья только что позавтракала, и
Алексей Романович пил свою чашку кофе, ве-
личиною с маленькую миску, и читал газеты.

Этот комфорт, это маленькое благосостоя-
ние досталось Патмосову далеко не легко. В
течение вот уже двадцати пяти лет он рабо-
тал на пользу общества, и в частности для от-
дельных лиц, с опасностью для жизни, в по-
стоянном напряжении, в постоянной борьбе с
самим олицетворением зла.

Патмосов известен всем, кому нужны его
услуги, как частный сыщик. Скромный и
честный, он знал не одну семейную тайну,
вверенную ему. Изобретательный и находчи-
вый до гениальности, смелый, решительный
и сильный, он раскрыл в своей жизни сотни
преступлений, настиг и предал в руки право-
судия сотни преступников, и рассказы о его
делах не менее занимательны, чем рассказы
о подвигах фантастического Шерлока Холмса.

Теперь Патмосову уже 57 лет и он берется
за дело только по особенной просьбе, но каж-

дое взятое им дело он доводит до конца, увеличивая свою славу среди сведущих об его делах людей.

Даже наша образцовая сыскная полиция при каждом запутанном деле обращается к нему если не за содействием, то за советом.

Патмосов допивал последний глоток кофе, когда вошла прислуга и подала ему визитную карточку.

— Желают вас видеть!

— Попроси в кабинет! Патмосов взял карточку и прочел:

— «Андрей Федорович Колычев».

— Кто это? По делу? — спросила жена со свойственным женщинам любопытством.

— Вероятно, — ответил Патмосов, застегивая и одергивая свой домашний пиджак, — если это тот самый Колычев, то, можно сказать, фигура!

Небольшая комната кабинета, устланная ковром, с тяжелыми драпировками на дверях, имела характер и делового бюро, и уютного уголка. В простенке стоял американский стол с опускающейся доской, рабочий табурет и буквое кресло. По углам два высоких, уз-

ких дубовых шкафа, которые Патмосов звал своим» архивом»; вдоль одной из стен стояла широкая оттоманка, а напротив — диван, стол, мягкие кресла, в углу, против печки, шахматный стол, над которым висел телефон.

Все четыре стены комнаты были увешаны портретами негодяев и преступников, пойманных и обличенных им, спасенных им жертв, благодарных клиентов и снимками картин преступлений.

Патмосов с любовью сортировал их, и на каждой стене развешаны были фотографии своей категории.

Когда он вошел в кабинет, гость его рассматривал фотографии, висящие над диваном.

Он быстро обернулся и протянул руку Патмосову.

— Слышал от людей, что не отказываете в помощи ближнему, и приехал к вам!

Это был высокий, плотный господин, лет шестидесяти пяти на вид, с седой, окладистой бородой, с сановитой осанкой человека, сознающего свое достоинство.

— Чем могу служить, всегда готов, — добродушно ответил Патмосов, — садитесь, пожалуйста. Послушаем!

Колычев опустился в кресло и еще раз взглянул на стену.

— Однако у вас коллекция! — сказал он. — И чисто ангельские и исполненные благородства лица — и тут же бритые головы и зверские физиономии. Скажите, это все преступники?

Патмосов улыбнулся.

— Мною обличенные и схваченные. Здесь много интересного для физиономиста! — Он оживился и с юношеским порывом подошел к портретам. — Вот женщина с лицом кроткой голубицы. Она заманивала к себе богатых людей и помогала убивать их. Я поймал ее на шестом! А вот этот соблазнял девушек и вел ими торговлю. Это просто убийца, а вот — благородное лицо, львиная шевелюра — это мой друг Санин, известный художник, который стал убийцей в запальчивости. А этот...

Тут Патмосов оборвал свою речь и добродушно засмеялся.

— Я ♦ то разболтался, а вы по делу! Прости-

те, пожалуйста! — сказал он и сел против Колычева с готовностью слушать. — Ну — с, теперь вы рассказывайте!

Колычев закурил папиросу и озабоченно оглянулся.

— Будьте покойны! — успокоил его Патмосов. — Мы как в башне. Двойные двери, портьеры, а здесь, — он указал на открытую дверь налево, — моя уборная и спальня.

Колычев кивнул, выпустил струю дыма и, видимо затрудняясь, с чего начать, сказал:

— Я уж с вами с полной откровенностью...

— Не иначе, — улыбнулся Патмосов. Колычев вытер лицо платком и откашлялся.

— Видите ли, — начал он, — вы меня, вероятно, знаете...

— Действительный статский советник, домовладелец, гласный думы, помещик, владелец химического завода, председатель съезда химических фабрикантов, директор акционерного общества по выделке...

— Довольно, довольно! — остановил Патмосова Колычев. — Вижу, что знаете. Так вот дальше.

Патмосов с улыбкою кивнул.

— Вероятно, вы также знаете и моего старшего сына, Михаила?

— Михаила Андреевича? Позвольте? Да! Директор Южного банка и член правления Общества освещения?

— Да, да! Однако у вас тут адрес — календарь, — Колычев указал на лоб.

— Нельзя без этого. И потом, просто развивается память.

— Вы облегчаете мне мою задачу. Видите ли, — заговорил озабоченно Колычев и придвинулся к Патмосову, — меня начинает тре-

вожить этот самый Михаил Андреевич.

Патмосов окаменел. Когда ему приходилось выслушивать подробности дела или исповедь, он овладевал собою настолько, что ни одним движением не выдавал ни своих мыслей, ни своих чувств.

Колычев продолжал, видимо волнуясь.

— Да, тревожит! Тревожит его поведение, его состояние. Стороной я слышал, что он играет очень крупно и несчастливо. У него есть средства. Я не говорю! Играть он может! Но вы знаете — для игры нет богатства. Игра все сожрет, как хорошая печь дрова! И он меня начинает очень тревожить. Очень! Вы понимаете, он не ребенок. Ему уже тридцать восемь лет, и у него взрослые дети. Я ему намекал, но не больше. Говорил со снохою, но та что же может? Вы понимаете, — повторил он в третий раз и встал от волнения, — я боюсь растрат. Боюсь позора. Для него, для меня, для нас!

Он тяжело перевел дух и нервно прошел по комнате. Потом остановился против Патмосова.

— Вот я вверил вам, так сказать, нашу

честь. Помогите!

Патмосов помолчал, потом спросил:

— Какой же помощи вы от меня ждете?

— Я ожидал этого вопроса, — сказал Колычев. — Вот какой! Во — первых, вы постараетесь узнать о размерах его проигрыша и степени запутанности его дел. Во — вторых, вы посмотрите за ним. Может, он окружен шулерами. В — третьих, быть может, вы найдете возможность... остановить его... нет, я не то хотел сказать... Предупредить катастрофу, — окончил он почти шепотом и прибавил: — За вознаграждением я не постою. Если потребуются особые расходы, тоже...

Патмосов промолчал, словно не слышал последних слов Колычева. Он сидел теперь опустив голову и полузакрыв глаза. В голове его созрел план исполнения этой задачи, и в то же время он думал о бессонных ночах, которые предстоят ему, и колебался.

Колычев инстинктом заинтересованного проник в мысли Патмосова.

— Именем отца заклинаю вас не отказываться! — воскликнул он.

Здесь произошло что-то странное. Патмо-

сов поднял голову и вдруг увидел словно тень, на мгновение покрывшую Колычева. Патмосов вздрогнул и глухо сказал:

— Мое вмешательство не принесет пользы.

— Но оно мне даст хотя знание! Я вовремя сумею принять крайние меры! Не отказывайтесь!

— Хорошо! — просто ответил Патмосов. — Каким путем мне сноситься с вами?

— Лучше всего телефон, а затем лично. Утром — фабрика, днем — правление и съезд, вечером — дома. Я почти всегда дома. Знаменская, семнадцать.

Патмосов кивнул.

— Итак, вы взялись, — облегченно вздохнул Колычев, протягивая Патмосову руку, — теперь я могу спокойно заниматься своими делами. До свидания!

Патмосов пожал ему руку и проводил его в переднюю.

Когда он вернулся в кабинет, он увидел на столе чек на пятьсот рублей, на предъявителя.

«Отчего томит меня злое предчув-

ствие?» — мелькнуло в голове Патмосова, но он тотчас прогнал эту мысль и подошел к телефону.

— Алло! Барышня, дайте мне номер 27-035! Готово! Благодарю! Алло! Кто говорит? Это ты! Здравствуй, Сеня! Слушай, голубчик, ты мне нужен. Вот что. Узнай немедленно, что говорят про Колычева, Михаила Андреевича. Не забудь имя. Это мне. Запиши! А потом, в каких клубах он играет в карты. Сегодня же утром! Потом приедешь ко мне, к девяти часам, и все расскажешь. Ну, до свиданья!

Он повесил трубку и дал отбой.

Семен Сергеевич Пафнутьев был ближайшим помощником Патмосова, помощником, в способности которого Патмосов сильно верил и на которого мог положиться, знал, что он не продаст и не предаст.

К вечернему чаю, как раз к тому времени, когда просыпался Патмосов после послеобеденного сна, Пафнутьев уже сидел в столовой и занимал веселой болтовней всех сидящих за чайным столом.

Хозяин тотчас увел его к себе в кабинет.

— Многого сказать не могу. Начну с конца, — сказал Пафнутьев. — Колычев играет везде, но главным образом в железнодорожном и купеческом. У вас есть туда вход?

— У меня вход всюду.

— А то бы я мог достать... Играет и в «Петровском», понятно, за золотым. И везде несчастливо. Проигрывает помногу. Один раз прометал двенадцать тысяч. Я тогда выиграл тысячи полторы... Говорят, он добрый семьянин. Говорят, отличный начальник, которого все любят. Говорят, что проиграл он очень

много, и теперь дела его позапутались. Но это все уже надо узнать подробнее от служащих. На это время надо...

— Даю тебе сроку три дня, — сказал Патмосов.

— Отлично! И, наконец, он сегодня играет в железнодорожном! Вот и все!

Пафнутьев принялся за чай.

— Немного, а все♦таки спасибо! — сказал Патмосов. — Теперь слушай. Сегодня был у меня его отец...

И Патмосов рассказал все об этом посещении, о просьбе отца и о своем согласии.

— Ты мой помощник. На этот раз твое порочное увлечение картами пригодилось. Надеюсь, никто не знает о твоем занятии?

— Что вы? Разве я дурачок?

— То♦то! Сегодня мы поедем вместе, ты укажешь мне Колычева и будешь моим чичероне!

— Превосходно! Но вас♦то знает пол — Петербурга!

— Милый! Для этого есть грим и накладные волосы. Я буду крымским помещиком, собирающимся торговать сушеными фруктами,

Яковом Павловичем Абрамовым. Запомни! У меня есть такие визитные карточки.

Патмосов прошел в свою уборную, где, открыв электричество, сел к туалетному столу и стал раскладывать все принадлежности и приспособления для грима.

— Чувствую, чувствую, что бесполезен, а отказать не мог, — бормотал он вполголоса, наводя себе брови и делая морщины...

IV

Был двенадцатый час ночи, когда Пафнутьев с крымским помещиком, Абрамовым, входил в подъезд железнодорожного клуба, где в то время велась едва ли не самая крупная игра.

Характерная черта в хронике клубов: крупная игра переходит из одного клуба в другой, как заразная болезнь, как чума. Вдруг объявится в одном, и туда почему-то устремится и крупный, и мелкий игрок, а другие клубы на время обращаются в места пустынные. Потом, так же вдруг, в этом клубе игра упадет, игроки исчезают и появляются в другом клубе.

Только купеческий клуб держится в этом отношении неизменно, и игра в нем всегда крупная и ровная.

Пафнутьев и Абрамов сбросили шубы в швейцарской и направились в игорные залы.

Самый опытный наблюдатель не приметил бы на лице Абрамова следов грима, и близкий знакомый Патмосова не узнал бы его в этом господине с круглым брюшком, с

седоватой бородкой, лихо закрученными усами, манерами отставного гусара и громким смехом.

— В прежнее время в банчишко резался, а этой игры не знаю, — громко говорил он, проходя маленькую комнату с мягкими диванами, на одном из которых уже спал проигравшийся и с горя напившийся игрок.

Игра была в полном разгаре.

В большом зале и двух малых толпились игроки, то переходя от стола к столу, то облепив какой-нибудь стол, как мухи кусок сахара, то присаживаясь к столам, за которыми сидели те, которые метали банк, давали ответ и являлись центрами игры.

Бродившими были «мазчики», в большинстве или проигравшиеся уже, или имеющие очень маленькие деньги, хотя между ними встречаются и крупные игроки, признающие только понт.

У Патмосова в первое мгновение закружилась голова. Яркий свет сотен электрических ламп тускнел в облаках табачного дыма, который ел глаза и от которого першило в горле. Люди в отдалении казались теньями. Все

смешивалось в общую кучу, и в этой атмосфере стоял непрерывный гул, который прорезывали отдельные, то хриплые, то звонкие, возгласы.

— Прием на первую! — кричали с одной стороны. — Двенадцать рублей, восемь рублей...

— Я покрыл!

— Банк покрыт!

— Ответ! — неслось с другой стороны. —
Делайте игру!

— Комплект! Два куша!

А карточники ходили от стола к столу и, покрывая общий шум, кричали:

— Место! Место свободное! Новый стол!

И в общем шуме смеха, крика, говора, грохота стульев и шарканья ног, как отдаленная мелодия, слышался звон серебра и золота.

— Ну, руководи! — сказал Патмосов Пафнутьеву. — Прежде всего, где этот Колычев?

— Вот он, — шепнул Пафнутьев, показывая на стол.

Изящно одетый в темный пиджак, с изумрудным перстнем на левой руке, с сигарой в дорогом мундштуке, он производил впечатле-

ние джентльмена.

Физиономия его сразу располагала в свою пользу. Широкий лоб, черные, густые брови, под ними светлые, умные, серые глаза, ровный нос, полные губы, русая бородка и матовый цвет лица.

Играл он с благородным спокойствием, ничем не выражая досады на проигрыш, хотя, видимо, проигрывал, судя по тому, что каждый раз вынимал деньги из под большого серебряного портсигара, ставил их на стол и не получал назад.

Патмосов стал разглядывать других игроков.

Очередь метать дошла до Колычева. Он что-то сказал своему соседу, и тот, мгновенно оживившись, закричал:

— Ответ!

Вероятно, все знали метку Колычева, потому что у стола тотчас поднялась давка. Через плечо и голову Патмосова потянулись руки с деньгами. Кто-то попросил его поставить на крылья, кто-то в круг.

Патмосов, чтобы не казаться праздным зрителем, следом за другими бросил в круг

три рубля.

Он уже понял, в чем состоит игра экарте, в которую тогда везде играли, и сразу усвоил систему ставок и расчетов.

Стол моментально покрылся деньгами.

Сосед приподнялся, чтобы сосчитать сумму ставок, но Колычев с небрежной улыбкой остановил его и сдал карты.

Два козыря; туз; король с десяткой, — и у Колычева всего двойка.

— Комплект!

За плечом Патмосова весело засмеялись.

— Две недели уже так!

— На его метке только и поправляюсь!

— Вчера, в купеческом, я на нем с трех рублей четыреста сделал! — услышал Патмосов голоса.

— Господа, берите деньги!

Патмосов получил три рубля выигрыша.

— Делайте игру!

Он оставил на столе шесть рублей и опять выиграл.

Колычев вынул бумажник и достал из него две бумажки по пятьсот рублей.

— Делайте игру! — раздался снова возглас

после расчета, и Патмосов бросил все двенадцать рублей.

— Два куша!

Колычев бросил карты и снова полез в бумажник.

— Сделайте карты! — попросил он визави, и лицо его было по — прежнему спокойно и мило, только улыбка сошла с полных губ.

И опять:

— Сделайте игру!

Комплект, два куша, куш и опять комплект!

Патмосову стало совестно. Его три рубля обратились уже в сто двадцать рублей, а Колычев продолжал раздавать и раздавать. Патмосов перестал играть.

Наконец, Колычев проиграл снова, удар, полез в бумажник, вынул из него две бумажки по двадцать пять рублей, полез в кошелек, достал из него на сто рублей золота; пошарил по карманам, набрал еще тридцать рублей и позвал карточника.

— Принеси из кассы тысячу, — сказал он и бросил карты.

— Не везет! — сказал ему отставной гене-

рал.

— Две недели. Больше! — ответил Колычев.

Карточник принес деньги.

Колычев рассчитался, положил в карман оставшиеся деньги и встал.

— Довольно! — и он пошел от стола.

Патмосов тотчас двинулся следом за ним, с рассеянным видом смотря по сторонам.

Вдруг он насторожился. К Колычеву подошел франтоватый господин и, поздоровавшись с ним, спросил:

— Вы куда? Домой?

— Домой, — ответил Колычев.

— Поедем в ресторан. У меня есть к вам серьезное дело.

— Ночью, в ресторан?

— Такое дело везде обделать можно! — смеясь, ответил тип.

— Что же, поедем! — согласился Колычев. — Куда?

Подошедший назвал лучший ресторан, и они направились к выходу.

Патмосов оглянулся. К нему тотчас подошел Пафнутьев.

— Ужинать?

— Ужинай ты один. Я уеду. Разузнай же побольше о Колычеве, буду ждать, а теперь мне надо!

Он кивнул удивленному Пафнутьеву и быстро прошел в прихожую.

Выйдя на улицу, он тотчас сел в сани и велел гнать в названный ресторан.

Лихач пронес его по Невскому стрелою.

Патмосов сбросил шубу, поднялся наверх и прямо к управляющему.

Тот почтительно пригнулся.

— Не узнал, — засмеялся Патмосов и тихо сказал: — Это я, Патмосов!

Управляющий откачнулся с изумлением, а потом расцвел:

— Уж и искусник вы, Алексей Романович!

— Дело у меня. Вот что, дорогой! Я займу у вас тот кабинет, знаете?

Управляющий кивнул.

— А вы, как войдет сюда Колычев с одним господином... Знаете Колычева?

— Михаила Андреевича? Как же — с!

— Ну, так вы их в соседнем устройте. Поняли?

— Отлично, понял, будьте покойны.

— Так я иду!

Патмосов расположился в знакомом ему кабинете, из которого можно было наблюдать, что делается в соседнем, и спросил себе ужин.

Почти следом за ним соседний кабинет занял Колычев с своим знакомым.

Официант подал Патмосову ужин и скрылся.

Патмосов осторожно отодвинул известную только ему заслонку в стене и пристроился к ней.

Через нее нельзя было видеть сидящих в кабинете, но слышно было каждое слово.

Знакомый Колычева рассказывал анекдоты и острил.

Колычев жаловался на свой проигрыш и несчастье в игре.

— Было время, когда вы били! Теперь — вас! Ха — ха — ха! Закон возмездия!

— Но слишком жестоко, Владислав Казимирович! — ответил Колычев.

Наступило молчание. Вошел официант, что♦то поставил, что♦то принял.

— Больше тебя не нужно! — раздался голос того, кого Колычев называл Владиславом Казимировичем.

Патмосов услышал легкий звон стаканов, слова» за ваше здоровье», чоканье. И потом голос Владислава Казимировича вдруг превратился в сухой и резкий.

Патмосов весь обратился в слух, чувствуя, что сейчас он услышит самое для него интересное.

— Вот что, дорогой Михаил Андреевич, — раздавался голос Владислава Казимировича, — вы проигрались и запутались. Не спорьте, не спорьте! Я все знаю. Я знаю, что если бы вникнуть в ваши счета с Южным банком... Ну, не буду, не буду! Молчу...

На мгновение наступило молчание, снова стукнулись стаканы, и опять тот же голос сказал:

— Так вот, я хотел предложить вам быстро поправить ваши дела.

— Как? — спросил Колычев.

— Игрую! — уверенно ответил Владислав Казимирович.

— Не понимаю!

— Очень просто. Я беседую с вами не от себя, а, так сказать, от товарищества на вере. Ха — ха — ха! Рассчитывая на вашу порядочность и скромность. Да — с! Мы играем без проигрыша. Хотите быть с нами заодно?

— Шул... — послышался голос Колычева, тотчас заглушённый другим голосом.

— Шулер, хотите сказать. Пусть! Чем тут

возмущаться? Дураки испытывают счастье. Мы — искусство. Счастье вам изменило; искусство нас не подведет. Никогда!

Наступило снова молчание.

Патмосов слышал тяжелое, прерывистое дыханье Колычева, потом крупные глотки из стакана, стук резко поставленного стакана, и, наконец, Колычев произнес:

— В чем же выразится мое участие?

— Пустое! — послышался оживившийся голос Владислава Казимировича. — Вы будете только метать. Держать ответ, как всегда. И только!

— Своими картами?

— Не ваше дело! Вы будете брать карты со стола. Будьте покойны. Ведь мы знаем, с кем будем вести компанию!

— Все же я хочу знать, в чем моя роль и в чем тут дело.

Послышался вздох, смешок и затем голос:

— Ну, извольте! Вы берете карты. Мы сидим подле вас, стоим вокруг вашего стула. Вы закрыты. Вы сдаете три карты, а затем кладете колоду, подымаетесь! Заметьте! Так! И считаете удар. Потом садитесь и мечите. Больше

ничего не нужно! Следующие удары вы можете не считать. Все готово! У вас уже другие карты, и вы всех — чик! чик! Ха — ха — ха! И пока вы с нами, мы даем вас с выигрыша ровно половину! А?

Патмосов замер, ожидая ответа Колычева, но тот молчал, и снова раздался голос его искусителя:

— У нас, видите ли, сейчас нет банкмета. То есть лица, внушающего уважение. Был Свищев, но на него стали коситься. Да! И мы остановились на вас. Не согласитесь, не надо. Мы найдем! Но вы без нас, Михаил Андреевич, не поправитесь. На счастье отыгратесь трудно. Ой трудно! А ваши дела...

Снова наступило молчание, звон бутылки о край стакана, стук поставленного стакана и тревожный голос искусителя:

— Так как же — с?

— Я согласен! — едва донеслось до слуха Патмосова.

— Я это знал! — радостно воскликнул Владислав Казимирович. — Вы умный человек! Смотрите, как вы скоро отыграетесь. Какой! Снова наиграете! Так наш? Руку! Ну, ну, не

морщитесь! Мы хорошие люди, ей — Богу!
Еще бутылочку!

Зазвенел звонок, дверь открылась.

— Заморозить еще одну головку!

Патмосов закрыл отдушину, позвал человека, расплатился и вышел.

— Довольны, Алексей Романович? — спросил его управляющий.

— Очень хороший ужин. Хороший у вас повар, — добродушно ответил Патмосов и спустился с лестницы

Он вернулся домой в подавленном настроении и, улегшись в постель, не мог избавиться от этого настроения и долго ворочался с боку на бок.

Что он скажет отцу этого несчастного человека? Как он должен поступить, проникнув в тайны шулерской компании. Вправе ли он скрывать эту тайну, быть соучастником, потому что среди них есть несчастный порядочный человек? Все эти мысли не давали ему покоя.

Послышался благовест к ранней обедне, а Патмосов еще не принял никакого решения.

VI

Было уже десять часов, когда проснулся Патмосов, и едва открыл глаза, как тотчас принял определенное решение относительно дела Колычева.

Это было решение ума и сердца, и Патмосов сразу почувствовал облегчение, словно он сбросил с себя тяжесть.

Он быстро встал, умылся, наскоро выпил чай и вышел из дому.

— За Нарвскую заставу! — приказал он извозчику, садясь в сани без торгу.

Колычев — отец сидел в своем кабинете на химическом заводе и делал расчет с химиком и управляющим, готовясь открыть при заводе отделение для фабрикации красок, когда ему подали карточку Патмосова.

— Проси! — приказал он сторожу и обратился к своим служащим: — Вы, господа, уж извините меня. Расчет отложим до завтра. Это очень нужный мне господин.

Патмосов уже входил в кабинет с торжественной серьезностью на лице.

Химик и управляющий собрали бумаги и,

пожав руку хозяину, вышли.

Колычев быстро пошел навстречу Патмосову, с тревогою всматриваясь в его лицо.

— Здравствуйте, уважаемый Алексей Романович! Большой конец сделали, и в такой мороз! Вы бы по телефону!

— Не нашел возможным, — ответил Патмосов.

— Что нибудь особенное? Вы его видели? Узнали? — с тревогою спросил Колычев и спохватился: — Что ж мы стоим! Садитесь, пожалуйста. Вот и папиросы!

Они сели у стола друг против друга.

Патмосов вынул из кармана бумажник, достал оттуда полученный им чек на пятьсот рублей и положил его на стол, подвинув к Колычеву.

Колычев с изумлением отшатнулся.

— Что это значит, Алексей Романович? — спросил он.

— Простите, — тихо сказал Патмосов, — сейчас я не могу взять на себя вашего дела.

— Почему? — с изумлением воскликнул Колычев. Патмосов с минуту молчал, потом ответил:

— Я не хочу объяснять вам причин, уважаемый Андрей Федорович, но сейчас мне кажется, что я даже не нужен. И вообще в этом деле лишний.

— Но без вас я слепой!

— Мое зрячество причинило бы вам больше горя и ни от чего не спасло бы вашего сына.

— Он разорен? — обреченно допытывался Колычев. — Растратил?

— Вероятно, — ответил Патмосов, — хотя сейчас не могу сказать вам точно. Но могу сказать, что он теперь поправится.

— Я ничего не понимаю, — растерянно сказал Колычев, — слышу только, что вы отступаетесь, и чувствую, что что скрывается тут.

Патмосову стало тяжело видеть скорбь отца и честного человека.

Он быстро встал.

— Могу обещать вам одно, — твердо сказал он, — что я не оставлю вашего сына в минуту опасности. Теперь же не нужен. Вреден даже, — прибавил он с улыбкою и протянул Колычеву руку.

— Я в отчаянии и не знаю, что думать, —

глухо сказал Колычев.

— Вы ведь не можете насильно вырвать его из Петербурга и отправить, например, за границу?

— Нет!

— Оставьте это дело своему течению. Он поправит, а тогда... тогда заставьте его уехать. Патмосов пожал Колычеву руку и быстро вышел. Колычев взглянул на чек, оставленный Патмосовым, и тяжело вздохнул.

Какая гроза собирается на его голову?..

Патмосов возвращался домой и думал, что иначе поступить он не мог.

Донести, но о чем? Факта налицо нет, и нельзя Колычева с его именем выгнать из клуба.

Поймать? Но он слишком опытен и знает, что один он не в силах обличить шайку и поймать на месте преступления.

Самое лучшее — отойти и наблюдать издали.

Если он что-нибудь понимает, то для него несомненно, что Колычев быстро порвет сношения с этими мазуриками.

Вот тогда и спасать его.

А теперь — в сторону.

Он приехал домой.

— Вас ждут два господина, — сказала ему горничная.

Патмосов прошел в кабинет и приказал просить посетителей, которые ждали его в гостиной.

Патмосов беседовал с ними часа два, потом уехал с ними и вернулся домой только вечером.

Несмотря на усталость, он был весел.

Ему предложили крайне интересное дело, за которое он взялся с увлечением и которое отвлекало его от мыслей о Колычеве.

VII

В этот день Пафнутьев не видал Патмосова и на другой день приехал к обеду с коробкой конфет и кучею новостей.

Дружная семья села за стол, и никто бы не подумал, видя за столом Патмосова, что этот добродушный господин, отец, с которым так легко и свободно все шутят и разговаривают, — гроза темного Петербурга, воров, мошенников и убийц.

Обед кончился. Патмосов увлек Пафнутьева в свой кабинет и, когда горничная подала им кофе, запер за ней дверь и сказал:

— Ну, что? Колычев вчера выиграл?

— Вы откуда знаете? — удивился Пафнутьев. — Колоссально! Опять в железнодорожном! Все ждали раздачи и валили деньги, а он бил и бил! На мой взгляд, он вчера унес тысяч двадцать. Бил, как хотел, и что особенно умно с его стороны, так то, что он бросил игру, прометавши талию, и уехал!

— В чем же тут ум?

— Как в чем? На второй мог отдать все назад и своих прибавить!

Патмосов понял и кивнул.

— Скажи мне, посещая клуб, ты все таки делаешь что нибудь — следишь?

Пафнутьев засмеялся.

— А то как же иначе! — ответил он. — Это уже само собою. Я, к примеру сказать, знаю все игрецкие плутни, все мошеннические приемы, многие шулерские и, наконец, почти всех шулеров в лицо знаю.

— Владислава Казимировича знаешь?

— Это Калиновского? Как же! Но какой же он, Алексей Романович, шулер! Смелый игрок, и только!

Патмосов засмеялся.

— Так, так. Это видно, что ты всех шулеров знаешь. А Свищева?

— Не понимаю! — обидчиво пожал плечами Пафнутьев. — Вы это нарочно. Крупный коммерсант...

— Чем торгует?

— То есть он больше по комиссиям, — замылся Пафнутьев.

— Так! Ну, а кого же ты знаешь?

— Бадейникова! Вот это шулер!

Патмосов засмеялся.

— Милый, да ты такого знаешь, которого даже уличные мальчишки знают! Это тот, которого судили по подозрению в грабеже и убийстве?

— Да, он самый!

— Ну, знания! Да ведь тогда на суде выяснилось, что он за гусь! Ха — ха — ха!

Пафнутьев смутился.

— Ну, вот что, — серьезно сказал ему Патмосов, — сегодня опять поезжай в клуб и скажи, как играл Колычев, а за Свищевым и этим Калиновским последи внимательно и запомни, с кем они дружат, шепчутся. Понял?

— Понял, — сказал Пафнутьев и растерянно прибавил: — Да неужели они...

— Самые настоящие, мой милый! — сказал Патмосов. — А теперь иди к дамам. Я спать буду!..

VIII

У Патмосова явилось новое дело, которому он отдался всей душой. Он теперь пропадал по целым дням и то и дело уезжал из Петербурга.

Но Колычева он не выпускал из виду ни на один вечер.

За его игрою следил Пафнутьев и давал Патмосову подробные отчеты.

Патмосов слушал, бранил и хвалил Пафнутьева, наставлял его в дальнейшем и на вопросы, что он хочет делать и чего ждет, обыкновенно отвечал:

— Когда наступит момент, я возьмусь за дело. А теперь подождем!

В следующий раз, как и в первый, Пафнутьев приехал к Патмосову озабоченный и сказал:

— Колычев опять всех обыграл!

— Где и как?

— Теперь в купеческом. Бил целую талию, потом бросил и уехал. Тысяч четырнадцать набил!

— Ну, а за теми смотрел?

— Смотрел, но что же? Они оба были, и Свищев, и Калиновский, но вели себя безукоризненно. Свищев, когда уехал Колычев, проиграл тысячи две.

— Они сидели за столом, когда метал Колычев?

— Подле него!

— Ставили?

— Не заметил. Впрочем, Калиновский говорил потом, что проигрался в его метке.

— Говорил! Ох, Сеня, Сеня! Сколько времени тебя учить, что все видеть и слышать самому надо! Сегодня поедешь, и завтра, и послезавтра, — только следи за ними. Понял?

Пафнутьев молча кивнул, а потом не выдержал:

— Вы здесь сидите, а я все время играю, и вы не верите, что это вполне порядочные люди.

— Дурак ты, Сеня! — просто сказал Патмосов.

Прошло три дня, и Пафнутьев восторженно сказал Патмосову:

— Вы правы! Они оба очень подозрительны. За игру Колычева они ничего не ставят,

а только говорят, что проиграли.

Патмосов кивнул.

— Вчера на улице я видел их с Бадейниковым. Они о чем-то говорили очень оживленно.

— Ну, ну! А с Колычевым?

— Незнакомы!

Патмосов улыбнулся.

— Теперь вот что, друг! Как только Колычев выиграет и поедет из клуба, последи за ним. Понял?

Пафнутьев уже ничего не возражал и на другой день приехал взволнованный.

— Вы словно через стены видите!

— А что?

— Я вчера поехал за Колычевым, он опять выиграл. Днем в купеческом, вечером в железнодорожном. Ну, поехал за ним, а он в «Ярославец»! Я туда. Он сел в зале, а потом, я смотрю, явился Калиновский. Они поздоровались и прошли в кабинет.

— Ну, ну! Теперь начинаешь понимать?

— Да! Что-то есть между ними. Неужели Колычев...

— То-то! А какой он теперь по виду?

— Совсем другой. Раньше он проигрывал, но был ровен, улыбался, иногда был веселый и всегда милый. А теперь — нервный, угрюмый, осунулся. Совсем другой!

Патмосов вздохнул.

— Нелегко это порядочному человеку.

— Что прикажете дальше делать?

— Дальше? — Патмосов помолчал и потом сказал: — Следи за ним до той поры, пока он из клуба не поедет прямо домой. Как это выследишь, сейчас же мне сообщи. Немедля!

— А если вы в отъезде?

— Ты всегда знаешь, куда я еду. Телеграфируй тотчас!

— А если что особое увижу?

— Ну, это до личного свидания отложишь!

Пафнутьев уехал, и Патмосов снова отдался своему новому делу, на время забыв о Колычеве.

Но через три дня Пафнутьев приехал к нему не в обычный час.

— Много необыкновенного!

— Ну? Они рассорились?

Пафнутьев опять удивился.

— Да! Но откуда вы все это знаете?

— Милый, этого надо было ждать, и только за этим я и поручил тебе следить.

— Да, да! Видимо, рассорились!

— Что же ты видел?

— Третьего дня, вечером, я увидел его в купеческом. Он метал и всех бил.

— Ну?

— А за столом не было ни Калиновского, ни Свищева, ни Бадейникова. Он был один!.. Наметал тысяч восемь и встал. Я за ним. Было уже двенадцать часов. Он только что вышел, как к подъезду подкатил Калиновский и прямо к нему. Они отошли, а я будто галошу уронил. Ищу и слышу. Калиновский сразу ему: «Ты, значит, без нас играл, как ты смел!» А он: «Я за свое счастье сыграть хотел». Калиновский снова: «Мы тебе в собрание назначили!» — «А я не захотел». — «Едем теперь!» Колычев сначала не хотел, потом поехал. Патмосов заинтересовался.

— Это третьего дня было? Так! Ну, а вчера?

— Вчера я был в железнодорожном. Смотрю, они все, а Колычева нет. Я и стал за ними следить. Вижу, волнуются. Пришли в буфет и заняли столик. Я занял рядом. Всего нельзя

слышать, но обрывки доносятся. Калиновский сказал: «Он опять где-нибудь за себя играет». — «Теперь его не удержать», — сказал Бадейников. Они совсем стали говорить шепотом. Потом Свищев вскочил и направился к выходу. «В купеческий!» — крикнул ему Калиновский. Я ушел, вернулся, они все сидели. Я занял комнату, через которую надо идти в буфет, и взял газету. Почти с час просидел. Вдруг идет Свищев, один и совсем расстроенный. Взошел в буфет, а оттуда они все уже трое. Я совсем спрятался. Они приостановились, и Калиновский сказал: «Изменил негодяй!» — «Тем хуже ему!» — сказал Бадейников, да так, что мне стало страшно.

Патмосов кивнул и решительно встал с дивана.

— Спасибо тебе! Ну, теперь мне надо действовать. Будем спасать его!

IX

На далеких Пороховых, среди крошечных домиков обывателей, стоит хорошенький серый домик с мезонином и балкончиком, с садиком и верандой, некоего Аникова, Ефрема Степановича, прогоревшего помещика, как его называют соседи.

В домике этом живет он один со своей служанкой, рябой Авдотьей, бабой лет тридцати двух, лихой и бойкой.

На какие средства живет этот Аников, никто не знает, и все думают, что он доживает последние остатки от своего благополучия.

Но живет он прилично и независимо, в некотором роде изображая барина среди окружающей его бедноты.

Едет он в город и из города всегда с целыми корзинками всякого добра. Нередко к нему приезжают господа, большею частью статские, и, видимо, по делам, так как бывают у него не больше часа, двух.

Живет Аников замкнуто, и те, которые изредка, посещают его, говорят, что у него есть комната всегда на запоре, куда даже не загля-

дывает его Авдотья.

Вообще Аников на Пороховых окружен некоторой таинственностью, хотя внешнею своею не представляет ничего примечательного.

Сухой, высокого роста, с длинной черной бородой, тронутой сединой, с лысой головой и мелкими, плутоватыми чертами лица, он ничем не выделяется из толпы и кажется самым ординарным человеком, а между тем этот Аников — человек в некотором роде исключительный, и таланты его не из обыкновенных.

Было часа три, обеденное время на Пороховых, когда к дому Аникова подъехал Патмосов и позвонил у его двери.

Рябая Авдотья открыла двери и впустила Патмосова в жарко натопленную прихожую.

— Барин дома?

Авдотья, вероятно предупрежденная, тотчас ответила: «Пожалуйста, ждут!» — и приготовилась помочь Патмосову снять шубу, когда на пороге показался сам хозяин и радушно сказал:

— Жду, жду! Собирался ехать, но получил

письмо и остался ради дорогого гостя! Милости просим!

— Ну, что, совсем бросил?

— Совсем. Теперь помогаю только.

— Фабрика? — усмехнулся Патмосов.

Аников засмеялся.

— Именно. Пожалуйста ко мне. Я вам пуншику приготовил. С холоду это превосходно! — и Аников провел его по маленькому коридорчику, толкнул дверь и ввел в большую, жарко натопленную, светлую комнату с окном, устроенным под самым потолком.

— Это чтобы не подглядывали, — сказал он. Патмосов стал с любопытством осматриваться.

В комнате стоял широкий диван, два кресла и стол между ними, за которым теперь Аников хлопотал с пуншем. В углу стоял шкаф вроде буфета, а по двум стенкам большие сосновые столы, на которых грудями были навалены игральные карты без бандероли и в бандероли, а тут же рядом и самые бандероли, искусно вскрытые.

— И впрямь у тебя тут фабрика, — сказал Патмосов.

— Живу с этого! — вздохнул Аников. — Пожалуйста!

— Ну, покажи мне все! — сказал ему Патмосов.

Аников оживился.

— Для вас с удовольствием! Вот извольте видеть, — он подошел к столу и взял пачку карт, — это для подбора колоды. Здесь у меня ровно три дюжины колод вскрыто. Все одного крапа. Видите? Вот из них то я и подбираю.

— Как?

— Принцип один. По крапу. Извольте видеть, здесь крап звездочками. Смотрите на уголки. Вот на уголке одна звездочка, а вот две, а вот три, четыре, а вот одна и половинка. Поняли?

— Пока ничего!

— А очень просто. Здесь у меня три дюжины карт, то есть тридцать шесть в колоде. Это собственно для экарте готовятся и для макао. Теперь, извольте видеть, для экарте что нужно? Одна масть! Так? Я вот и подбираю. Пусть у всех червей будет одна звездочка в уголку, а бубен — две, у трефей — три, а у пик — одна и половинка. Хорошо — с! Сажусь, делю все кар-

ты по мастям и начинаю просматривать крап, просматривать и откладывать. Вот и все. Вы приехали. Вам нужно для экарте. Пожалуйста, вот колода и ключ к ней! Хе — хе — хе!

— А для макао?

— Там я жир мечу и девятки с восьмерками. Те еще легче. Жир, положим, звездочка в уголке, девятка — две, а восьмерка — три!

— И дорого платят?

— Дешевле как за пятьдесят рублей нет. Судите сами, одни карты мне с извозчиком двадцать рублей стоят, а из них много, если три колоды сделаешь. Да забота. В день талию сделаешь, да и будет! А для банка так я по триста рублей беру. Помилуйте! Там каждая карта отмечена. Для такой колоды я по восемь дюжин порчу, а работаю иной раз недели по две! Только теперь мало их спрашивают, — вздохнул он, — делаю из любви больше! Вот, не угодно ли поглядеть! — он подбежал к шкафу — буфету, отпер и распахнул одну дверцу. — Вот мой товар!

В шкафу на трех полках лежали запечатанные в бандероль карты, и под каждой ко-

лодой видна была записка.

— Талии и ключ к ним! На всякую игру!

— Химик! — усмехнулся Патмосов. — Ну, теперь помогай мне!

Лицо Аникова приняло выражение деловитой внимательности, отчего сморщилось, словно он собирался чихнуть.

— Видишь, ты мне открыл свою фабрику — поверил! И я тебе поверю.

Патмосов подробно рассказал ему историю Колычева. Аников слушал, кивал и вставлял свои замечания.

— Очень просто. Они ему только подменяли! Свищева знаю и Калиновского! Кто ж Бадейникова не знает!.. Так...

Патмосов окончил и спросил:

— Что же ты думаешь? Как они ему отомстить могут?

— По — всякому, Алексей Романович! К примеру скажем, подложат ему талию, да сами и обличат его. В карман ему могут карты засунуть. Мало ли как! По — моему, ему теперь вовсе карты оставить надо. С огнем играть будет!

Патмосов задумался.

— Я помогу ему!

Аников улыбнулся.

— Простите, Алексей Романович, только вы ему тут не в помощь. Можете вы их накрыть, обличить и прочая. А как вы им помещаете его опорочить, не пойму! Нет, пусть он вовсе бросит дело или помирится с ними!

— Ну, хорошо, — нетерпеливо перебил его Патмосов, — теперь ты мне вот в чем помоги. Сведи меня с этим Свищевым и прочими.

— То есть как это?

— Извести, что я, ну, хоть московский шулер, одесский, что ли, и хочу в их компанию.

— Да ведь вас в лицо знают, кто вы такие!

— Эх! А еще умный, — засмеялся Патмосов, — ты ведь меня знал, а целый вечер за графа Косовского принимал.

Аников тоже засмеялся и махнул рукою.

— И то поглупел! Что же, я это могу. Я письмо напишу, а вы им его передайте.

Он тотчас сел к столу, достал бумагу и взял перо.

— Как вас назвать ♦то?

— Яков Павлович Абрамов, крымский помещик!..

— Так и напишем! — и он стал писать, диктуя себе письмо вслух. — «Никаша или Поляк, вот рекомендую вам в компанию дельного человека. Называет себя Яковом Павловичем Абрамовым, имеет деньги и все знает, я с ним двадцать лет назад в Москве работал, а теперь он ко мне заявился, а я его к вам. Фабрикант с Пороховых»... Вот! Готово! А в случае, ежели откроетесь, так я скажу, что не вам письмо дал, а вы его, значит, похитили.

— Говори, что хочешь! — засмеялся Патмосов, беря от Аникова письмо. — Ну, спасибо тебе! Услуга за мной!

— Помилуйте! Что вы мне тогда сделали, я вовек не забуду! — сказал с чувством Аников.

Патмосов простился с ним и поехал домой, по дороге думая о катастрофе, которая может разразиться над Колычевым.

Х

«Товарищество на паях», как назвал свою компанию Калиновский, совершенно растерялось, обозлилось и испугалось.

Колычев им изменил.

Это факт.

Сначала он стал играть потихоньку от них за свое счастье.

Они назначали игру в купеческом, он ехал в железнодорожный; они — в железнодорожном, он ехал в купеческий. И главное, ему везло!

Везло, и он объявил им, что больше им не товарищ.

Все к одному! Им было завидно, что ему так повезло, что он уже отыгрался и даже в выигрыше; было беспокойно, что он знает их тайну и их всех, и, наконец, самое главное, что они потеряли такого банкомета.

С деньгами, положением, пользующегося общим уважением.

Где найти такого еще!

Они сидели в клубном буфете, вполголоса обсуждая свое положение, когда к их столу

подошел полный господин с седою бородкою, лихо закрученными усами и спросил:

— Кто, господа, из вас Свищев, кто Калиновский?

— Я! Я! — отозвались оба.

— Так вот вам от моего приятеля. Я здесь посижу! — он подал письмо, указал на свой столик в углу буфетной, отошел к нему, заказал себе кофе и стал наблюдать.

Три головы склонились над письмом, которое вскрыл и читал Свищев. Потом все трое оглянулись на этого господина и опять, сдвинув головы, стали негромко говорить, потом Калиновский встал и решительным шагом направился к этому господину.

Патмосов встал ему навстречу и протянул руку.

Калиновский горячо пожал ее, сел к столу и сразу начал:

— Нечего и говорить, вы наш! Приняты единогласно! Ха — ха — ха! Пойдемте знакомиться!

Патмосов встал и под руку с Калиновским подошел к столу, где сидели Свищев и Бадейников.

— Рекомендую, крымский помещик Яков Павлович Абрамов! Прошу любить и жаловать!

Все радушно пожали ему руку и приветствовали как нового товарища.

— Давно к нам пожаловали? Откуда?

— Так слонялся, — ответил Патмосов, — был в Москве. Игра большая, но никого не знаю. Попробовал на счастье и продулся.

— Нам на счастье нельзя играть. Мы от него отказались сами, — суеверно заметил Свищев.

— Это вы совершенно верно заметили, — сказал Патмосов и беспечно продолжал: — А приехал сюда с месяц — и вас первыми заметил.

— Это как?

— А в купеческом один блондин ответ давал, так вы ему талийку!.. — и Патмосов сделал выразительный жест.

— Тсс!.. — остановил его Свищев.

— Господа! — сказал Бадейников. — Я предлагаю новое знакомство вспрыснуть и для него проехать... ну, хоть в «Ярославец». Там и поговорим!

Патмосов тотчас согласился, и все дружной компанией двинулись к выходу, а через пятнадцать минут уже входили в отдельный кабинет ресторана.

Калиновский распоряжался. Он заказал водку с закуской, а потом ужин и вино.

И он, и его товарищи, видимо, были оживлены, и в лице крымского помещика видели посланную им судьбою помощь.

— Вот вы говорили про того блондина, — сказал Свищев, чокнувшись с Патмосовым, — так мы вам скажем, что обогатили его, честь ему вернули, деньги, а он, мерзавец, после этого и надул!

— Скажите пожалуйста! Украл?

— Нет, этого не удалось, — сказал Калиновский, — просто отказался от компании и за свое счастье играть стал.

— Скажи, за свой страх! — вставил Бадейников.

— Это мы увидим! Я этого так ему не оставлю! Да — с! — и Свищев хлопнул огромной ладонью по столу.

Сам Свищев, огромный, рыжий, с громадной головой на короткой шее, с грубыми руками, пальцы которых были словно обрублены, производил впечатление разбойника с

большой дороги.

Калиновский с манерами выхоленного пана, с певучим голосом, плотный красивый мужчина, являлся типичным шулером, и, наконец, Бадейников, дополнявший компанию, производил впечатление альфонса. Жгучий брюнет, вероятно, одессит, невысокого роста, с деликатными манерами, с кукольным лицом, на котором резко, как нарисованные, выделялись усы и брови.

— Что же ты сделаешь, медведь? — засмеялся он.

— Подведу, назову жуликом, в морду дам! — прорычал Свищев.

Патмосову стало страшно за Колычева. Для него было ясно, что этого Свищева можно напоить, потом раздражить, и он полезет на всякий скандал, как бык на красное.

— Ха — ха — ха! — засмеялся Калиновский. — Друзья, его и подводить не надо. Сам влетит! Вы думаете, счастья надолго? А?

Бадейников с улыбкою кивнул, а Патмосов сказал:

— Известно!

И Калиновский разгорячился.

— Я уверяю вас, — сказал он, перегибаясь через стол, — что этот Колычев под конец именно за свой страх на фокус пустится, и тогда... — Он сделал паузу. — Всем только следить надо!

Он опрокинул в рот рюмку водки.

— Именно! — мягко сказал Бадейников. — Только следить!

Лакей внес ужин. Разговор на время прекратился. Патмосов затронул другую тему.

— А Ефрем Степанович преотлично устроился, — заметил он.

— Еще бы! Чего ему? Сиди и работай, — подтвердил Свищев.

— Единственный у нас. Я думаю, на всю Россию! — сказал Калиновский. — Из Москвы приезжают. Одно слово, артист!

— А хорошо он работал? — спросил Бадейников у Патмосова.

— Умел! — ответил он и стал врать: — Мы с ним в Москве работали, в Нижнем, по Волге, на водах. Главное, штос и стуколка!

Свищев вздохнул.

— Тогда, говорят, дела были. Теперь что! Дрянь! Арапа этого развелось, что блох. Ей —

Богу!

Патмосов знал, что «арапом» зовется игрок, приходящий без денег.

— Всегда они были! — сказал он. Бадейников засмеялся.

— А вот мы теперь и с них шерсть снимем!

— Как?

— Хотите с нами в компанию, расскажем! — решительно предложил Калиновский.

— Я для этого и ехал! — сказал Патмосов.

— Руку! — закричал Свищев, протягивая свою лапу. — Вот, Костя, и банкомет! А! — торжествовал он. — Бадейников! Требуй вина. Вспрыснем!

Ужин кончился. Лакей подал вино и кофе. Свищев захмелел и начал шуметь.

— А какое дело? — спросил Патмосов.

— Я клуб открываю, — скромно сказал Бадейников, — нашел уже основателей. Вот вы, здесь есть литератор Пирон...

— Водевили пишет! Тру — ля — ля! Опять, хроника! В «Листке», — вставил Свищев.

— Да! Потом редактор один, Сморчков, и отставной генерал. Откроем, и пойдет наше

дело!

— У — ух! Вихрем! — жмурясь, проревел Свищев.

— Так вы наш? — сказал Калиновский. — За дружеский союз! Ура!

Они чокнулись.

— Теперь о деле, — серьезным тоном начал Калиновский, — вы отныне наш банкомет. Вас, понятно, учить нечему. Будете в ровной дележке. Мы откладываем двадцать процентов, а остальное поровну. Завтра начнем!

— Согласен! — сказал Патмосов. — Только не завтра.

— А что?

— Одно, завтра — пятница, а я в такой день — ни — ни! Второе, не знаю еще публики. Надо походить, оглядеться.

— Ну, ну! Недельку всегда переждать можно.

— А мы тем временем с тем прохвостом расправимся, — упрямо твердил Свищев. — Попомнит он нас! Да! Это ему так не пройдет. Нет, голубчик! Влетишь!..

У Патмосова от этих слов сжималось сердце.

Завтра же он будет у Колычева!

Ужин окончился. Друзья подхватили пьяного Свищева. Патмосов, пользуясь этим, выскользнул от них и уехал домой.

XII

Пафнутьев приехал утром не столько с докладом, сколько из любопытства.

— Ну, что? — встретил его вопросом Патмосов.

— Опять выиграл и опять был один!

— Играл в железнодорожном?

— Да!

— Много выиграл?

— Теперь уже очень много. Вчера тысяч шесть, да раньше, почти две недели. Какой, больше!

— Я думаю, он отыгрался, — решил Патмосов.

— Наверное! — с убеждением сказал Пафнутьев. Патмосов отказался от завтрака и поехал из дома. Он отправился в Южный банк.

— Михаил Андреевич в правлении? — спросил он.

— Так точно! — ответил швейцар, снимая с него шубу. — Пожалуйста наверх!

Патмосов поднялся во второй этаж и подал курьеру свою карточку.

Через несколько минут он вошел в рос-

кошный кабинет директора Южного банка.

Колычев — сын поднялся к нему на встречу.

Патмосов взгляделся в его бледное, осунувшееся лицо и поразился его болезненному виду.

— Пожалуйста! — Колычев указал Патмосову на кресло, сел сам и придвинул к Патмосову ящик с сигарами.

Патмосов твердо взглянул ему в глаза и решительно приступил к делу:

— Я приехал из личного к вам расположения с просьбою прекратить игру в карты!

Колычев, видимо, не ожидал разговора на подобную тему и в изумлении откинулся.

— Но, позвольте, — начал он с обидною вежливостью, — на каком основании вы...

Патмосов поднял руку, перебивая его:

— Как расположенный к вам человек. У вас семья, отец, у вас положение, незапятнанное имя...

Колычев вдруг покраснел и выпрямился.

— Но позвольте! Я...

Патмосов опять перебил его:

— Вы рискуете потерять все! Потерять

честное имя!

Колычев весь напрягся и почти крикнул:

— Никогда!

— А я говорю, можете! — повторил Патмосов. — Вы рисковали уже честью дважды...

Колычев опять хотел перебить Патмосова, но тот остановил его.

— Да! Дважды! — сказал он с ударением. — Вы знаете, про что я говорю...

Колычев побледнел и тревожно взглянул на Патмосова.

— Что я знаю, то знаю только я, — сказал Патмосов и продолжал: — Теперь вы отыгрались, да? Чего же вам больше? Мало вам ваших средств, мало тех испытаний, которые вы пережили?

— Но позвольте! — перебил его наконец Колычев, вздрагивая от волнения и негодования. — Кто вы? На каком основании вы все это мне говорите? Какие права ваши вмешиваться в мои дела и давать мне советы? Что угрожает мне? Почему мне не играть?

— Кто я? Вы, вероятно, не разглядели карточки. Я — Патмосов! Если вы про меня не слышали, то скажу: я добровольный сыщик.

Да! Я немало на своем веку обличил мошенников и не раз спасал честь порядочных людей.

Колычев тяжело дышал.

— Я видел ваш проигрыш и знаю условия, при которых начался ваш отыгрыш! Да!

Колычев невольно потупился.

— Теперь дальше. Вы разорвали с ними, но эти люди не прощают измены. Они считают вас изменником!

— Что они могут мне сделать? — тихо спросил Колычев.

— Все! И я вас предупреждаю, — Патмосов встал, — вы ставите на карту честь свою и своего отца!

— Никто не посмеет посягнуть на мою честь, — гордо заявил Колычев.

— Я сделал все, что мог сделать, — с грустью сказал Патмосов, — вам остается подумать о моих словах!

— Кто вас направил ко мне?

— Что вам до этого? Отчего вы не допускаете простого расположения к вам?

— Благодарю вас, — холодно сказал Колычев, — но вашим советам не последую. Я люб-

лю игру и ее ощущения. Бояться же каких-то негодяев мне не приходится.

— Но вы с ними были вместе! — невольно воскликнул Патмосов.

Колычев вспыхнул, потом побледнел. Он тяжело перевел дух и почти прошептал Патмосову:

— Я искупил это страданиями бессонных ночей!

Патмосов молча поклонился и вышел.

Колычев стоял посреди своего роскошного кабинета, скрестив на груди руки.

XIII

В двенадцать часов ночи Патмосов входил в игорные залы железнодорожного клуба.

Дымный воздух, душная атмосфера, казалось, были насыщены какими-то нервными токами, от которых движения делались порывисты, глаза загорались.

Со всех сторон неслись возгласы:

— Делайте игру! Место! Одно место! Прием на первую! Я занял!

И звенело золото, раздавался смех на одном конце и резкие проклятия — на другом.

Мимо Патмосова прошел Колычев, направляясь к столу. Он не узнал Патмосова в крымском помещике Абрамове и, задев его плечом, извинился.

Карточник уже приготовил для него место.

Патмосов прошел следом за ним и остановился, замешкав.

За столом сидели Калиновский и Бадейников, заняв места между играющими, а Свищев стоял как раз позади стула Колычева.

Колычев, садясь, окинул его презрительным взглядом; Свищев нагло усмехнулся.

Патмосов тронул Свищева за локоть. Тот обернулся, и лицо его расплылось в улыбку.

— А, Яков Павлович! — воскликнул он, ухватив его под руку и увлекая. — Где пропал? И адреса не сказал! Ах, мошенник! Где живешь?

— Пока у Аникова!

— Фью! У черта на куличках. Ну, ну! Поиграем, гарни займешь. С треском! Мы решили, — он понизил голос, — у тебя игру делать. Иногда... Понимаешь?..

Они вошли в читальню, которая была пуста.

— Да! — сказал Свищев, видимо уже выпивший. — Заведем игру! С тобой можно вести дело, не то что с тем прохвостом!

Он ткнул пальцем на игорный зал.

— Сегодня пришли посмотреть на его игру и успокоить его, — шепотом сказал он, — а завтра закатим ему спектакль! Попомнит он нас! Ха — ха — ха!

У Патмосова похолодели руки.

— Где?

— Найдем! Либо здесь, либо в» Петровском», либо в купеческом! Время хватит! Нет,

нам изменять нельзя. У нас союз! Верно, Яша, а?

— Как же иначе♦то? — машинально сказал Патмосов.

— То♦то! Пойдем, выпьем!

— Пойдем!

Патмосов пошел к буфету, страстно желая увидеть Пафнутьева.

Пока они стояли у буфетной стойки, к ним подошел Калиновский.

— А, и ты тут! — поздоровался он с Патмосовым и сказал, обращаясь к Свищеву: — Удивительно везет ему! Все берет по два куша и прямо на счастье. Даже смотреть противно! Костя следит, а я ушел.

— Ну, завтра сорвется! — сказал Свищев, жадно прожевывая бутерброд.

— Пойду посмотрю да рискну красненькой, — проговорил Патмосов и пошел из буфетной.

В игорном зале толпились у стола, где метал Колычев.

Патмосов увидел перед ним грудку денег. Он приминал рукою бумажки и насыпал на них рубли, очищая место.

— Делайте игру! — произнес он, готовясь сдать карты.

Патмосов увидел, что Бадейников поставил двадцать пять рублей.

Колычев сдал и убил комплект. Он приподнялся и стал сгребать деньги.

Лицо Бадейникова побледнело и глаза сверкнули ненавистью.

Колычев рассовал деньги по карманам, бросил карты и встал от стола.

В эту минуту Патмосов увидел Пафнутьева и схватил его за локоть.

— Узнай, как хочешь, где играет завтра Колычев, и приезжай за мной так, чтобы мы были в клубе раньше его, — сказал он ему и оттолкнул от себя.

Навстречу шли Свищев с Калиновским и улыбались ему.

XIV

Патмосов не спал всю ночь, волнуясь и мучаясь при мысли о том, что может случиться завтра.

Он всей душой был на стороне этого несчастного безумца и в то же время чувствовал, что здесь случай будет иметь гораздо большее значение, чем его вмешательство.

Вторично предупредить его — бессмысленно. Известить отца — только породить напрасную тревогу.

На одно мгновение у него мелькнула мысль предупредить старшин клуба, но тогда он должен объяснить, почему те готовят Колычеву скандал. Этого он не мог сделать.

И какой скандал? Что они задумали? Как исполнят?

Нет, это первое и последнее дело Патмосова! Не его дело оберегать человека. Его дело — раскрыть преступление, накрыть преступника и передать его в руки властей. А здесь?

И Патмосов чувствовал свое бессилие.

Утром он встал угрюмый и расстроенный.

Он заперся у себя в кабинете и отдался лю-

бимому своему занятию: пересмотру архива и составлению записок.

Сколько интересных дел! Какая находчивость! Какая смелость и сообразительность!

После обеда он лег, по обыкновению, отдохнуть и проснулся освеженный, сильный и бодрый, когда в комнату к нему постучался Пафнутьев.

— Ну, где?

— В купеческом, — ответил Пафнутьев, — чистая удача! Я пошел за ним следом. Он прошел в столовую и стал считать деньги. К нему подошел его знакомый, и они стоворились быть сегодня в купеческом. Там большая игра будет!

— А час?

— Он, вероятно, около двенадцати будет. Лучше к одиннадцати поспеть, чтобы не проворонить.

— Вот что, Сеня! Будем следить за ними, его беречь. И чуть что, сразу кидаться на них и ловить... Хотя я совершенно не знаю их плана!

— Будем следить! — сказал с жаром Пафнутьев. — Только едем скорее. Уже время!

— Хорошо, хорошо! Я мигом! — сказал Патмосов, скрываясь в своей уборной.

Спустя несколько минут из уборной вышел крымский помещик Яков Павлович Абрамов, а через пятнадцать минут они уже были в клубе.

— Теперь мы каждый сам по себе, — сказал Патмосов, поднимаясь по роскошной лестнице на второй этаж.

Клубный зал уже шумел, как пчелиный улей. Здесь нравы и порядки были все иные. Карточники не выкрикивали дикими голосами приглашение занять место, играющие не кричали «прием на первую!». Вся игра велась в широком масштабе, и самые игроки старались казаться солидными, если таковыми не были.

В этом клубе играют почти исключительно на ответ, а в игру с ограниченным банком садятся играть только самые богатые люди, которые вчетвером ведут многотысячную игру.

Огромный зал от входа направо был полон. Столы тянулись направо всего зала, и вокруг каждого толпились игроки, без умолку говоря, смеясь, ссорясь, отчего в воздухе стоял сплошной гул.

Но главный интерес и самые крупные игроки сосредоточились у большого стола, на-

лево от входа в зал, «под портретом».

В то время как за другими столами удар не превышал трехсот — четырехсот рублей, за этим большим столом не было удара менее трех — четырех тысяч. За этим столом бывали удары в несколько десятков тысяч, и старожилы помнят феерические выигрыши и проигрыши в сотни тысяч.

Патмосов остановился посредине зала и внимательно огляделся.

Он тотчас увидел Свищева, Калиновского и Бадейникова. Они ходили порознь, время от времени останавливали некоторых игроков и о чем-то говорили с ними.

Патмосову казалось, что они составляют заговор против Колычева.

Бадейников увидел Патмосова и подошел к нему.

— Все еще присматриваешься?

— А что же еще делать? Играть на авоську не намерен. Вот и смотрю!

— Погляди там игру! Крупно играют, — указал Бадейников на большой стол.

Патмосов двинулся к большому столу. За столом сидело восемь человек, и право дер-

жать ответ переходило к каждому по очереди.

Вокруг теснились понтирующие.

Патмосов дошел до самых игроков и остановился у одного за спиною. Против себя он увидел Пафнутьева и едва заметно кивнул ему.

Знакомый Патмосову нотариус держал ответ и то бил, то отдавал, причем в первом случае весело смеялся, а во втором краснел и фыркал.

Наконец, он проиграл два раза подряд и с досадою бросил карты.

Кругом засмеялись.

— Кто теперь подержит? — спросил сидящий в очереди. — Я не буду!

— Давайте тогда мне! — раздался голос. Патмосов вздрогнул и увидел подошедшего Колычева.

Он был весел. Бледное лицо его оживляла улыбка.

— А, Михаил Андреевич! — воскликнул, пыхтя, нотариус. — Вот кому и карты в руки!

— Садитесь! — уступил ему место отказавшийся.

Колычев сел и стал собирать карты. Сидящие за столом дружески здоровались с ним и, пока Колычев готовил карты, пересмеивались и болтали.

Патмосов приготовился. Его отделяло от Колычева несколько человек, и он решился во время игры незаметно пробраться до его стула. Пафнутьев стоял напротив, и Патмосов подал ему знак сделать то же. Они двинулись, но с боков Колычева, оказалось, стояли люди, не уступавшие никому своих мест.

Колычев приготовил карты и положил их посередине стола.

— Ну, я сниму! — сказал нотариус и снял карты.

Колычев приготовился.

— Делайте игру!

— Ну, для начала! — сказал нотариус и поставил сто рублей. Со всех сторон потянулись руки, и скоро стол покрылся ассигнациями.

— Триста в круг! — сказал, подходя, известный подрядчик и бросил на стол целую связку трехрублевых ассигнаций. Он собирал их в клубе, и его пачка с каждым днем вырастала. Он приписывал ей особые свойства и никогда

не производил из нее платежей.

— Все сделано! — спокойно сказал Колычев и сдал карты.

Первая бита, вторая дана, третья бита. Куш из круга.

Колычев отложил карты и стал собирать деньги и производить расчет.

Патмосов приковался взглядом к лежащим картам и не сводил с них взгляда, но никто их не тронул.

Колычев сел, собрал деньги, взял в руки карты и опять сказал:

— Сделайте игру!

Опять зашелестели ассигнации. На этот раз счастье изменило Колычеву, и он отдал комплект. Лицо у него напряглось, губы сжались.

— Что, Михаил Андреевич, — засмеялся нотариус, сгребая свой выигрыш, — не все бить, приходится и расплачиваться!

— Карта не лошадь! К утру повезет! — сострил кто-то.

Колычев расплатился, причем ему пришлось вынуть свои деньги, и, смешав карты, начал их готовить для новой талии.

Он тасовал сосредоточенно, молча.

Патмосов оглядел толпящихся игроков и невольно вздрогнул. За спиной Колычева стоял огромный Свищев и, злорадно усмехаясь, делал кому-то знаки глазами. Патмосов осторожно покосился и увидел молодого офицера.

Колычев окончил тасовку и положил карты на стол для съемки.

Через стол протянулась рука Бадейникова.

Теперь по бокам Колычева оказались и Бадейников, и Калиновский.

Патмосов кивнул Пафнутьеву и снова сделал попытку приблизиться к Колычеву, но стоящие подле не дали ему места. Попытка Пафнутьева оказалась неудачной также.

— Сделайте игру! — сказал Колычев, беря в руки карты.

Деньги со звоном и шелестом посыпались на стол. — Игра сделана!

Колычев сдал и открыл три козыря. Комплект! Он отложил карты и стал собирать деньги. Патмосов опять приковался глазами к картам.

— Позвольте, — вдруг раздался задорный

голос, — я из двадцати пяти рублей пятнадцать ставил, а вы все берете!

Патмосов невольно взглянул на говорившего господина. С щетинистыми рыжими усами, с наглым взглядом, он горячился с естественным жаром.

— Сделайте одолжение, получите сдачи десять рублей! — спокойно сказал Колычев и, собрав деньги, опустился на стул, взял карты и заявил: — Сделайте игру!

Снова деньги, снова сдал Колычев карты и снова открыл двух козырных тузов. Комплект!

— Невероятно!

— Черт возьми!

— Этак без сапог уйдешь! — раздались возгласы, а Колычев собрал деньги и снова сказал: — Сделайте игру.

Игроки разгорячились. Старая примета, что после двух взятых третья бита. И на стол посыпались удвоенные, утроенные ставки.

Колычев опять сдал карты и открыл на этот раз — четырех козырей!

— Невозможно! Что же это! Вот так съемка!

Колычев приподнялся собрать выигрыш, как вдруг раздался голос, покрывший общий шум и поразивший всех, как выстрел.

— Господа! — резко прокричал кто-то.

Патмосов быстро оглянулся и увидел молодого офицера. Он был красен, и глаза его горели негодованием.

— Господа, я требую, чтобы были сосчитаны и проверены карты!

— Что — о? — выпрямился Колычев, бледнея. — Что вы хотите этим сказать?

— Ничего — с! Просто требую проверки, после нее я готов дать объяснения!

— Проверить! Старшину! Это невероятно! — вдруг со всех сторон послышались озлобленные голоса.

— Что за подлость! — закричал, наливаясь кровью, нотариус. — Какая проверка?

— Мерзавцы! — проговорил подрядчик с презрением, но кругом с неистовством кричали: «Проверить!» — и чьи-то руки быстро высывались из толпы и хватали со стола не взятые Колычевым ставки.

Колычев стал бледнее бумаги. На губах его выдавилась презрительная улыбка, и глаза

метали огонь. Позади его Свищев кричал:

— Старшину сюда!

Патмосов побледнел и почувствовал, как липкий, холодный пот выступил на его теле.

Он все понял! В тот момент, когда рыжий усач поднял спор из-за сдачи, карты были обменяны.

Колычев погиб, и он, старая лиса, допустил эту погибель!

Если бы не толпа, сдавившая его со всех сторон, он бы упал.

— Позвольте, господа! — протискиваясь в толпе, произнес дежурный старшина. — В чем дело?

Колычев разжал губы.

— Вот господин поручик требует проверки всех карт, — сказал он.

— На каком основании? — строго спросил старшина.

— Да — с? Как он смеет? — воскликнул горячий нотариус.

— И смею! — запальчиво произнес офицер. — Считаю невероятным такое счастье и прошу проверки. Я отвечаю!

— И ответите! — глухо произнес Колычев.

— Во всякое время! — поклонился ему офицер. — Если...

— Вы извините, Михаил Андреевич? — сказал старшина и собрал карты.

— Пожалуйста! — ответил Колычев, продолжая стоять. Только теперь он оперся на стол руками.

— Вы помогите, Петр Степанович! — обратился старшина к нотариусу и, заняв место, начал быстро считать карты.

Во всем зале наступила гробовая тишина. Все давно бросили играть и окружили большой стол тесной толпой.

Патмосов слышал в тишине биение своего сердца и не спускал взгляда с Колычева.

Старшина сбрасывал по две карты и громко считал, а нотариус тут же делал проверку.

— 28, 30, 32!

— Верно, верно, верно!

— 56, 58, 60!

— Верно!

— 100!

— Верно!

Старшина поднял руку и показал четыре карты.

— Счет верен! — сказал он. — Две колоды, 104 карты!

— Я прошу разложить карты по фигурам и очкам! — выкрикнул тот же офицер.

— По фигурам! Просим! Разложить! — снова раздались голоса.

— Небывалая подлость! — закричал нотариус.

— Вы мне ответите за это! — крикнул ему офицер.

Старшина вопросительно взглянул на Колычева.

Тот нервно передернул плечами и усмехнулся.

— Прошу и я! — сказал он.

Старшина и нотариус собрали снова карты и начали раскладку.

Опять наступила мертвая тишина. Нотариус и старшина стали выбрасывать тузов. Вдруг нотариус поднял руку с картой и замер. Колычев взглянул и покачнулся.

— Что у вас? — спросил тихо старшина.

— Покажите карту! — закричали голоса. Нотариус бросил на стол карту. Третий туз червей!

Старшина бросил на стол четвертого туза!

— Что же это? — пролепетал растерянно Колычев.

— Я прошу смотреть дальше! — закричал офицер. Старшина растерялся, нотариус был теперь бледен.

Что это? Что?

10 валетов, 11 восьмерок и только 4 двойки, 6 десятков.

Рыжий господин вдруг выдвинулся к столу.

— Очень просто! Была подменена талия, 17 карт были сброшены, а так как упавшие 17 были неизвестны, то вот и путаница!

— Вор! Шулер! Отдай назад деньги!

— Господа, я ручаюсь! — надсаживаясь, закричал старшина.

— А это что? — вдруг заревел Свищев и на глазах у всех вытащил из кармана Колычева карты.

— Мошенник! Протокол! Пусть отдаст деньги!

Колычев выпрямился во весь рост и стал шевелить побледневшими губами, но слова не вылетали из его сдавленного горла.

Вдруг он с отчаянием взмахнул руками и бросился от стола.

Толпа невольно расступилась от его порыва.

Он побежал к лестнице.

Толпа опомнилась и пришла в неистовую ярость.

— Держите его! Ловите! — закричали кругом. — Вор!

— Он нас два месяца обыгрывал! — ревел Свищев. Патмосов очнулся от ужаса и, быстро найдя Пафнутьева, сказал ему:

— Поезжай в сыскное. Спроси телефон. Звони во все части. Пусть оповестят все гости-ницы, чтобы задержали его, он не переживет! Понял?

Пафнутьев кивнул и бросился со всех ног к выходу.

— Поймать, схватить! Я разъясню все завтра. Теперь его спасти! — бормотал Патмосов, торопливо занимая телефонную будку. — Барышня, дайте номер 14-73!.. Благодарю! Откуда говорят? Кто? Отлично! Пожалуйста, как только вернется ваш барин, скажите ему, что господин Патмосов все объяснил! Поняли?

Все объяснил! Попросите барыню не оставлять барина ни на минуту. Я сейчас приеду!.. Все!.. Алло! Барыня! Дайте номер 5-0-7! Благодарю! Кто у телефона? Так! Барин дома? Попросите его к телефону! Андрей Федорович, вы? Здравствуйте! Это я! Патмосов! Из клуба! Случилась беда! Оденьтесь. Я еду к вам! Да, да! Большая беда! Но еще все поправимо! Еду!

Патмосов повесил трубку, быстро сбежал с лестницы, оделся, вышел на улицу и, взяв первого извозчика, крикнул:

— Гони на Знаменскую, семнадцать! Скорее!

Извозчик погнал свою лошадь.

XVI

Его, видимо, уже ждали. Подъезд и лестница были освещены, и едва Патмосов подъехал, как швейцар выскочил из подъезда и стал суетливо отстегивать полость.

— Пожалуйста! Барин ждет! Во второй этаж!

Патмосов сбросил швейцару шубу и стал подниматься по лестнице. Швейцар позвонил снизу. На площадку лестницы выбежал Колычев — отец, бледный, взволнованный.

— Что с ним? Что случилось? Рассказывайте! — Колычев схватил Патмосова за руку, повлек через анфиладу комнат и остановился в маленькой гостиной. Красный свет фонаря смягчал бледность его лица.

— Что с ним? Все, все! По порядку!

Патмосов коротко рассказал все, что проглядел, и затем страшную развязку.

Старик упал на диван как подкошенный и закрыл лицо руками. Хриплый стон вырвался из его груди.

— Все! Сразу все! И сын, и доброе имя! Едем! — Колычев — старик быстро поднялся.

Лицо его стало спокойно и решительно. — Куда мы поедем?

— Сейчас к нему на квартиру, потом в сыскное. Я уже послал туда своего помощника.

— Тогда скорее!

У подъезда уже стояла собственная лошадь Колычева.

— Надеждинская улица. Это рядом.

Через три минуты они были у подъезда и звонили. Швейцар отпер дверь и почтительно вытянулся.

— Сын вернулся?

— Никак нет еще! — ответил швейцар.

Старик почти взбежал по лестнице. Патмосов едва поспевал за ним.

Им отворили тотчас, и едва они вошли, как к ним выбежала жена Колычева.

Это была молодая женщина с прекрасным лицом. Теперь лицо это было бледно и искажено страхом, большие глаза припухли и были красны от слез.

— Папа, что с Мишей? — бросилась она к старику и, увидя Патмосова, отшатнулась. — Это вы говорили по телефону?

— Я, — глухо ответил Патмосов. — Я прошу вас не волноваться, но мы боимся за него. Он... он сильно проиграл и в отчаянье. Если он приедет...

— О, я не отойду от него. Я успокою его!

— Мы его теперь поедem искать!

— Господи! — вдруг с отчаянием воскликнула молодая женщина. — С ним револьвер! Он всегда его берет с собою.

Патмосов на миг потерял самообладание.

— Не будем терять времени! Едем! — воскликнул он и бросился на лестницу.

Теперь Кольчев — отец бежал за ним. Они вскочили в сани.

— На Офицерскую! — сказал Патмосов.

— Гони вовсю! — крикнул Кольчев, и сани помчались по пустынным улицам.

— Как мы его найдем?

— Только случаем, — ответил Патмосов. — Я велел своему помощнику оповестить полицию, а та — гостиницы, но это нельзя сделать так скоро. Для быстроты я просто приказал арестовать его. Там же выясним остальное, лишь бы перехватить момент!

Сани летели, как ветер.

Вот и Офицерская. В сумраке ночи вырисовалось неуклюжее здание Казанской части. Над подъездом сыскного отделения тускло горел фонарь.

— Стой! — крикнул Патмосов.

Швейцар открыл дверь.

— Кто дежурный?

— Расовский, Карл Эмильевич!

— Семен Сергеевич приехал?

— С час времени!

Патмосов и Колычев поднялись на третий этаж, быстро прошли по пустому коридору и вошли в дежурную.

У телефона стоял Пафнутьев. Дежурный чиновник поднялся навстречу.

— А, Алексей Романович! — приветствовал он Патмосова.

Колычев — отец бессильно опустил на скамейку. Патмосов поздоровался с чиновником и спросил:

— Ну, что сделали?

— Как вы приказали. Да скоро, видите ли, не сделаешь. Вот сейчас еще Семен Сергеевич с Васильевской говорить будет. И тогда все. Надо будет ждать.

В этот момент Пафнутьев взял трубку и заговорил:

— Васильевская часть? Так! Говорят из сысского. Сейчас оповестите по всем участкам, чтобы обошли все гостиницы и, если в какую из них приехал с полчаса назад господин, блондин средних лет, хорошо одетый... Да! Немедля арестовать, обыскать и дать знать сюда! Поняли?.. Да! да! да! Немедля!

Пафнутьев повесил трубку и обернулся к Патмосову.

— Все части оповестили, а что же дальше?

— Ждать.

— А откуда они выехали? — спросил дежурный.

— Из купеческого.

— Угол Графского и Фонтанки! Так. А не спросить ли, Алексей Романович, по ближайшим гостиницам? А?

— Понятно, можно. Только в таких случаях обыкновенно, когда человек придет в себя, то оказывается уже на другом конце города. Спросите!

— Гостиница «Москва».

Телефон заработал...

Время шло томительно медленно.

Колычев — отец сначала сидел, потом вскочил и начал нетерпеливо ходить по коридору.

Патмосов сидел неподвижно, в сотый раз думая, что, не отвернись он тогда, и он поймал бы их за подменной колоды.

Вдруг зазвенел телефон, и в тишине пустых коридоров этот звонок отозвался чем-то страшным и зловещим.

Патмосов вскочил. Колычев в один миг очутился в дежурной комнате.

Дежурный снял трубку. Наступили томительные мгновения.

Он слушал и говорил:

— Так. Так. Так.

Потом повесил трубку и обратился к Патмосову:

— Полчаса тому назад в «Варшавской» гостинице застрелился господин Колычев.

— Туда! — закричал истерически отец и побежал из сыскного.

Патмосов едва успел вскочить в сани.

— К Варшавскому вокзалу! В «Варшавскую» гостиницу! Гони! — закричал Колычев,

и они снова помчались. Лошадь фыркала, разбрасывая пену, и казалась несущимся облаком.

— Застрелился! Застрелился! — бормотал старик, то кутаясь в шубу, то распахиваясь.

Патмосов молчал. Старик опять бормотал:

— А что же и сделать! Вдруг шулер! Директор банка! А? А растрата есть? Есть растрата?

— Надо думать, нет!

— Эх, Миша, Миша! И какая голова был! Какое сердце! Эх! — и старик весь содрогнулся.

— Подъезд направо! Стой! — сказал кучеру Патмосов и потянул его за кушак.

XVII

В гостинице уже была полиция, коридорные и швейцар были растеряны. Управляющий был бледен и чуть не плакал.

— И что это за напасть! — жаловался он. — Месяца не проходит, чтобы кто-нибудь не застрелился!

— Где, где? — страшным шепотом спрашивал Колычев, идя по коридору.

— Сюда пожалуйте!

В номере собрались пристав, околоточный и доктор. Городовой стоял у двери и отгонял любопытных, которые вышли их кухни, из соседних номеров по коридору.

— Это отец! Пусти! — приказал Патмосов городовому.

У преддиванного стола, в кресле, неуклюже перегнувшись через ручку, полулежал труп Колычева. Расстегнутая сорочка была вся смочена кровью, в свесившейся руке был зажат револьвер. Лицо его было безмятежно спокойно.

На столе лежали записная книжка, бумажник, кошелек, часы с цепочкой, два перстня и

карандашом твердым почерком написанная записка:

«В бумажнике — 6 700 рублей, в кошельке — 175 руб. 60 коп. и два купона. Часы и цепочка. Кольца с изумрудом и с бриллиантом. В смерти никого не винить. Жить не мог после позора, но совесть моя чиста. Колычев, Михаил. Надеждинская, 34».

Колычев — старик подошел, всплеснул руками и простонал:

— Миша! Миша, голубчик! Что ты сделал?

Околоточный поддержал его и опустил в кресло.

XVIII

Самоубийство Колычева в свое время наде-слало шуму, особенно в среде игроков. Имя его было очищено от позора, но молодая жизнь погибла, и не всякий узнал истинную подкладку этого темного дела.

Свищев, Калиновский и Бадейников были высланы из Петербурга.

Патмосов был угнетен.

Он даже слег от волнения, вернувшись с тяжелых похорон.

— Помни, Сеня, у всякого свои обязанности. Я за это дело не должен был и братья. Что я ему — нянька? Я предупредил его, он меня чуть не выгнал. Наше дело — найти преступника, открыть преступление!

— Но вы же сделали, что могли, — возразил Пафнутьев, — негодяи все♦таки открыты и теперь высланы.

Патмосов слабо махнул рукой.

— Во — первых, они не обезврежены. Во — вторых, они сейчас высланы, а завтра будет новый градоначальник, и они вернутся. Эти мерзавцы ненаказуемы!

Слова Патмосова оправдались.

Свищев, Калиновский и Бадейников снова в Петербурге и составляют то же товарищество на вере. Бадейников взял в аренду карточную игру одного из столичных клубов и благоденствует, собирая несчетные рубли с бедняков, предающихся азарту.